

СМЕРШ

спецназ Сталина

БАШНИ НЕМЕЦКОГО ЗАМКА

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Башни немецкого замка

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Башни немецкого замка / А. А. Тамоников — «ЭКСМО»,
2021 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-119266-2

Осенью 1944 года Красная Армия сражается уже в Румынии. Группа СМЕРШ под командованием майора Вадима Злобина получает задание захватить важного немецкого инженера. Известно, что он скрывается в старинном замке. Но план майора провалился: инженер погиб в перестрелке, группа едва не попала в окружение. Однако не все потеряно. Если не удалось взять самого инженера, нужно найти его последние разработки. Злобин спешит наладить отношения с обитателями замка и через них узнать о немецком тайнике. В последний момент он вдруг понимает, что вместе со своей группой оказался в ловко подстроенной ловушке...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119266-2

© Тамоников А. А., 2021
© ЭКСМО, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Тамоников

Башни немецкого замка

© Тамоников А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Глава 1

На рассвете 24 сентября 1944 года стрелковый батальон капитана Ненашева вошел в ущелье Тырну-Фошу и рассредоточился в километре от деревни Пештера. Подразделение было усилено румынской пехотной ротой. Межгорную впадину заволок густой туман. Хвойные леса расплзлись по ступенчатым склонам, карабкались на гребни утесов и едва просматривались за сизой дымкой. Видимость внизу составляла сорок метров.

Красноармейцы ушли с дороги, растянулись по складкам местности.

«Не шуметь, – передавали бойцы по цепочке. – Не возиться».

Рассвет еще только зрел, медленно серело небо. Туман не спешил рассеиваться. Всю ночь батальон бодрым маршем одолевал довольно крутой перевал. Солдаты устали, у них слипались глаза. Ночь выдалась сравнительно теплой. Во мраке таилась неизвестность.

Войска Второго Украинского фронта маршала Малиновского с боем прошли Восточные Карпаты, обширное Трансильванское плато. Сороковая и Седьмая гвардейская армии получили пополнение из резервов Верховного главнокомандования, были полностью укомплектованы.

Красной армии следовало пройти всю центральную и западную Трансильванию, оттеснить на северо-запад разрозненные части противника. Ее дальнейшей целью была Венгрия.

Однако в Западно-Румынских горах наступление замедлилось. Войска застряли в ущельях и перевалах, шли вперед с тяжелыми боями. Силы дробились, а враг оказывал упорное сопротивление.

Капитан Ненашев имел приказ оседлать перевал Тырну-Фошу, захватить Пештеру и создать условия для ввода основных сил в долину Браскэу. По данным разведки, деревня была заброшена. Из сорока дворов жизнь теплилась только в паре. Много лет назад здесь случился пожар, выгорела половина строений. Они так и не были восстановлены.

В этом населенном пункте располагалась потрепанная рота вермахта. Она вошла туда днем ранее и встала на отдых. Немцы не знали, что по пятам за ними следуют давно не спавшие, а потому злые и решительные бойцы Красной армии.

Личный состав укрылся за деревьями, ждал приказа. Таял туман, проявлялись очертания предметов. Ельник еще спал, могучие деревья с тяжелыми лапами застыли.

Вскоре на правом фланге наметилась активность. К деревне двинулись румынские солдаты капитана Кодряну. Красноармейцы все еще посматривали на них косо.

Бывшие враги, в одночасье ставшие друзьями, захватили Молдавию, южную часть Украины, Одесскую область. Они называли эти территории Тринистрией, департаментом под протекторатом Румынии, наводили там свои порядки, вешали и расстреливали. И вдруг все поменялось, стало ясно, кто сильнее. Месяц назад молодой король Михай объединился с антифашистской оппозицией, приказал арестовать румынского фюрера Антонеску, нарек себя другом СССР и объявил войну Германии.

Принять ответные меры нацистские спецслужбы не успели. Красная армия стояла на пороге, начала наступление на Румынию. Минул месяц. Советские войска страну фактически прошли, остался лишь клочок Трансильвании.

В принципе, румыны не были обузой, воевали нормально. Возможно, их мучила совесть за то, что они долгие годы оказывали пособничество бесчеловечному фашистскому режиму. Румынские части были едва укомплектованы, плохо вооружены. Красной армии приходилось делиться с новоявленными союзниками.

В роте капитана Кодряну нашелся местный житель, он и нарисовал план деревни. В 7.35 были сняты передовые дозоры. Во мху остались окровавленные тела в обмундировании мышиного цвета.

В 7.45, когда достаточно рассвело, батальон пошел на штурм. Автоматчики бежали молча, берегли дыхание. На околице в старом овине проснулся пулеметчик, ударил раскатистой очередью из МГ-42. Ему не понравились фигуры, быстро перемещающиеся во мгле. Но это не имело значения. Красноармейцы забросали овин гранатами.

Громовое «ура!» огласило сонное ущелье. Бойцы бежали в полный рост, вели огонь из автоматов. Из хижин выскакивали ошеломленные полуодетые солдаты, падали под проливным огнем. Красноармейцы врывались в дома, швыряли гранаты. Они знали, что мирных жителей там нет. В неприятельских рядах царила паника. Те немцы, которые бросились на дорогу, погибли сразу. Улица простреливалась насквозь.

Пештера переживала не лучшие времена. Плетни и заборы завалились, строения заросли бурьяном. С некоторых крыш еще не осыпалась бурая черепица. В подворьях догнивали скирды соломы.

Трещали автоматы МП-40, но их робкие голоса заглушал гром пистолетов-пулеметов Шпагина. Некоторые солдаты вермахта бросали оружие, падали на колени и скидывали руки. В этих красноармейцы не стреляли, бежали мимо, только иногда отвешивали им тумаки. Они врывались в подворья, расстреливали заросли бурьяна, забрасывали гранатами сарай.

Часть вражеских солдат решила уйти огородами. Они выломали ограду, просочились на соседний участок. Их атаковали в лоб, но нарвались на дружный огонь из стрелкового оружия. Двое погибли, остальные залегли и подвергли этот огород плотному обстрелу. Немцы оставили там смертника, он прикрывал отход.

Но это был не сорок первый год. Отделение пехотинцев обошло участок по улице и открыло фланговый огонь. Вражеские солдаты были прекрасной мишенью, они метались, застигнутые врасплох, падали замертво. Двое выживших вскинули руки. Но свой шанс они уже упустили, разъяренные красноармейцы до отвала нашпиговали их свинцом.

Волна катилась по деревне, гремели взрывы. Обезоруженных солдат неприятеля бойцы пинками выгоняли на дорогу. Кому-то удалось сбежать, но это не имело особого значения. Не та публика, чтобы уйти в партизаны.

В немецком подразделении было много раненых. Их поместили в отдельное здание, там работали медики в окровавленных халатах.

В раненых немцев красноармейцы не стреляли. Какие бы слухи ни ходили о них, но такого они себе не позволяли. Убивали они только эсэсовцев, отношения же с вермахтом не отличались такой прямолинейностью.

С десятков немецких солдат и офицеров едва не ушли. Это было командование роты и несколько гренадеров, защищавших его. Красноармейцев, ворвавшихся во двор, они встретили кинжальным огнем, швыряли гранаты-колотушки. Трое получили ранения, один погиб. Кучка людей прошла огородами, полезла на склон, надеясь добраться до спасительных елей. Хромающего гауптмана прикрыв плечистый громила с искаженным лицом. Беглецы спешили. В иной ситуации они ушли бы. Но атака на деревню была не спонтанной, а хорошо продуманной.

На склоне засел пулеметчик с РПД и дождался своего часа – заметил бегущих врагов. Он стрелял в упор, с дистанции в двадцать метров, перебил всех, а потом для верности крошил пулями неподвижные тела.

Бой продолжался десять минут. Батальон Ненашева и примкнувшие к нему румыны потеряли семерых, десять человек получили ранения. Немецкое подразделение прекратило существование. Половина погибла, остальных согнали на дорогу. Пленные сидели в грязи, опустили головы, пугливо косились на хмурых советских автоматчиков.

Крупными успехами в текущем месяце германская армия похвастаться не могла. Части вязли в горах, солдаты голодали, гибли под артобстрелами. Многие предпочитали сдаться в

плен, не желали продолжать борьбу. Армия еще не разложилась, но вера в величие рейха таяла, как снег на апрельском солнышке.

В считанные минуты деревня перешла под контроль освободителей. На околице еще стреляли, но вскоре и там стало тихо. Бойцы прочесали последние дворы и обнаружили в погребе несколько местных жителей весьма преклонного возраста. Это было все население деревни.

Командиры расставили посты, ключевые высоты заняли пулеметчики. В деревню с восточного направления въезжали грузовики. Видавшая виды полуторка тащила полевую кухню. Ее прибытие бойцы встретили криками одобрения. Спать не дают, так хоть поесть.

На веранде уцелевшего строения радист развернул станцию. Вокруг него нетерпеливо приплясывал капитан Ненашев. Он торопился доложить в штаб полка о выполнении задания.

Западнее деревни, в пятистах метрах от околицы, находился еще один объект. Но туда бойцы Ненашева не совались. Офицеры получили строгое указание. Там работает контрразведка, туда ни ногой!

Дорога тянулась по ущелью Тырну-Фошу, убегала на запад, терялась за известковыми глыбами, нависающими над узкой долиной. За деревней имелась развилка. Вторая дорога ответвлялась от первой и карабкалась на обширную террасу, составную часть гигантского склона, заросшую ельником. Деревья заполняли низины и впадины, ухитрялись расти даже на отвесных скалах.

За лесом прятался старинный замок. В прорехах ельника просматривались серые каменные стены с узкими окнами-бойницами, трапезиевидные крыши башенок с отколовшейся черепицей и сломанными шпилями. Размеры здания не поражали воображение, замок был сравнительно компактен, но все равно впечатлял, в основном своей серостью и унынием. Он состоял из главного двухэтажного здания и сторожевых башен, прижавшихся к нему. Скорее всего, в давние времена здесь обитали феодалы, владельцы окрестных деревень, воеводы или еще какие-то знатные персоны.

Дорога, выходящая к террасе, была утоптана. В поместье Форгарош люди жили и по сей день.

Майор Вадим Алексеевич Злобин, коренастый, темноволосый, в укороченной форменной тужурке, разглядывал эти постройки в бинокль и чувствовал какое-то неудобство. В замке было что-то неприятное, не вяжущееся с окрестным ландшафтом. Не первый день майор находился в Румынии, видел и другие поместья, но те не казались ему такими мрачными и зловещими.

У группы Смерш и взвода автоматчиков, приданного ей, имелась конкретная задача.

В 7.15 штурм деревни еще не начался, подразделения Ненашева только скапливались в восточном лесу. На другом краю населенного пункта тоже шла подготовительная работа. Бойцы молодого лейтенанта Маркина окружили замок, лежали в высокой траве и настороженно поглядывали на старинные стены.

Дорога поднималась на террасу, огибала южную сторону здания и упиралась в главный двор на восточной стороне. Именно здесь майор Злобин сконцентрировал свои основные силы. Пехотинцы укрывались за развесистыми елями.

В ограде с обратной стороны имелась калитка. Ее тоже контролировали автоматчики.

Майор не знал, есть ли тут другие выходы. Поэтому он приказал посадить пулеметчиков с РПД со всех сторон.

Светлело небо, делались четче очертания вековых сосен и елей. Угрюмые стены проступали из полумрака, ободренные, замшелые. Во многих местах обвалилась кладка.

Вадим напрягся. В узком окне второго этажа блеснул свет. Неприятная змейка потекла по спине майора. Эти стены, да и вся округа действовали ему на нервы.

Злобин устроился на ложе из еловых лап. От земли еще не холодило, в горах особенный микроклимат, но какое-то неудобство уже присутствовало, особенно в ночные и утренние часы.

В просвете между низко висящими лапами виднелся двор. Автомобильным транспортом противник не располагал. Иначе он давно добрался бы до Венгрии. Обрисовалось крыльцо, разбитое, с остатками былой помпезности. Ступени вели в глубокую нишу, обрамленную полуколоннами. Там, во мраке, что-то шевелилось, часовой не спал. Свет в окне больше не появлялся.

Начальнику оперативного отдела дивизионной контрразведки майору Злобину было без малого тридцать четыре года. На войне с октября сорок первого. Тогда на фронт из столицы отправляли не только кадровые части и ополченцев, но и всех, кто мог держать оружие, в том числе личный состав отделений милиции и тыловых особых отделов.

В мирную жизнь после декабря того же года Вадим уже не вернулся, возглавил особый отдел части, бьющейся на московском направлении. Весной сорок третьего он возглавил полковую контрразведку, потом участвовал в тяжелых боях и дошел до румынской границы.

Весь последний месяц его группа пребывала в непрерывном движении, вступала в стычки с разрозненными отрядами противника, пытавшимися вырваться из окружения. В румынских частях работали лазутчики, устраивали диверсии на складах и коммуникациях. В тылу орудовали диверсанты, поджигали склады ГСМ, уничтожали обозы с продовольствием и обмундированием, охотились за представителями командного состава Красной армии.

Майор насторожился. В нише мерцал огонек. Часовой нарушил дисциплину, позволил себе закурить.

На часах было 7.38. Капитан Ненашев божился, что будет координировать свои действия с контрразведкой. Атака на деревню начнется в 7.45, плюс-минус минута, если не случится чего непредвиденного. Потом начнет действовать Смерш. Силы, как и всегда, ограничены, каждый человек на вес золота.

Бойцы терпеливо ждали, посапывали.

Где-то справа от майора находился командир взвода автоматчиков лейтенант Маркин, совсем юнец, восемнадцать лет, а физиономия вообще мальчишеская. Увидев парня впервые, Вадим возмутился. Мол, это что, шутка такая?

Лейтенант тогда обиделся и сказал, что приписал себе годик-другой, когда поступал на ускоренный полугодовой курс в пехотное училище. Но он боевой офицер, за плечами четыре месяца безупречной службы, участие в боевых операциях! И с головой дружен, в отличие от многих, лежащих в могилах! Плевать, что бойцы за глаза называют его Колюней, сыном полка, и посмеиваются. Лейтенант был действительно головастый, схватывал на лету и умел воздействовать на своих подчиненных.

Слева от Вадима залегли сотрудники опергруппы. Это были рассудительный мрачноватый капитан Михаил Кустовой и старший лейтенант Никита Баев, излишне начитанный, но способный. Где-то за ними затаился Павел Куделин, самый молодой в группе, умный и смекаливый, но подчас нетерпеливый.

Вадиму хотелось закурить. Кости у него затекли. Он перевернулся на другой бок, снова посмотрел на часы. Время ползло, как гусеница.

Зашуршала трава, кто-то подобрался к Злобину, пристроился рядом. В светлеющем пространстве обозначился профиль майора Полякова, представителя дивизионной разведки, прикомандированного к группе.

«Уж потерпи, майор, – прокомментировал данный факт начальник дивизионной контрразведки полковник Василевич. – В этом деле заинтересовано не только наше ведомство, но и ряд других. Прими как должное. Евгений Борисович Поляков – человек не вредный, сдержанный, власть у тебя не отнимет. Если что, поможет».

Полковник, в принципе, не обманул. Выдержке майора можно было позавидовать.

– Что-то хотели, Евгений Борисович? – прошептал Злобин.

– Четыре минуты осталось, Вадим Алексеевич. Знаете, вроде и опыт есть, и с хладнокровием порядок, а все равно волнительно. Не хочу вмешиваться в ваши планы, но, может, вы приоткроете завесу? Действовать начнем одновременно с батальоном Ненашева. Это логично и вполне понятно. Но как штурмовать такую махину, в которой сидит десяток вооруженных громил? Вам не кажется, что только зря положим людей? Да и мы с вами не из стали сделаны.

– От штурма мы воздержимся, Евгений Борисович. Когда в долине начнется заваруха, эти бесы пойдут из замка, чтобы укрыться в лесу. Они не знают, что окружены, будут думать, что имеют в запасе время. На их месте я бы тоже не порол горячку, действовал разумно и осмотрительно. Они не побегут как крысы, пойдут организованно, прикрывая своих подопечных. Мы должны их зафиксировать во дворе, отрезать дорогу назад и не дать прорваться вперед. Пожелают сдаться – милости просим. Предпочтут умереть – тоже без возражений. Но в гражданских не стрелять. Это правило должно выполняться. Солдат и офицеров я предупредил. Фотографии фигурантов показал всем. Спутница Кунце нас интересует в меньшей степени, но ей я бы тоже даровал жизнь ради дальнейшей сговорчивости основного фигуранта. Надеюсь, этот план сработает. Если же нет, то пойдем на штурм.

– Ясно, Вадим Алексеевич. Будем надеяться, что ваш план сработает. Честно говоря, я не слишком разбираюсь в войсковых операциях.

«До начала атаки в долине осталось две минуты. Однако это не заплыв в бассейне. По каким-то причинам может приключиться задержка минут на пять, а то и на десять. Лишь бы люди в замке не проснулись раньше времени», – думал Злобин, напряженно всматриваясь в замшелые стены. – С этим замком что-то не так. Слишком уж мрачно он выглядит. По Трансильвании ходят всякие легенды о вампирах, о жестоких боярах, любителях сажать на кол мирных сельских трудящихся. В эти мифы здравомыслящие люди не верят. Да и какое отношение они имеют к текущим событиям?

Серые стены, решетки в окнах первого этажа. Зачем их там поставили? Для защиты от лесных разбойников? Или по какой-то другой причине? Что происходило в замке с тех пор, как к власти в Германии пришел Гитлер? Скорее всего, ничего особенного.

Человек, интересующий нас, всего лишь остановился здесь на ночлег. В деревне, среди озлобленной и грязной солдатни, он находиться не желал.

Штурмовать замок сейчас резона нет. Не люблю я отправлять людей на верную смерть. Пожить хочется всем: и рядовым, и офицерам.

Текучка в отделе страшная. Сотрудники не успевают вникнуть в тонкости работы, выбывают по одной и той же уважительной причине. На прошлой неделе мы потеряли троих, и этот факт до сих пор не осмыслили. Виталик Краснов подорвался на mine, капитан Бузыкин погиб от снайперской пули, лейтенант Семашко сорвался с обрыва и пролетел порядка семидесяти метров. Останки его подняли из ущелья. Это была кукла, набитая бисером. Многие смерти были нелепые, неоправданные, чисто по недосмотру и обычной глупости.

Поляков недоумевал, спрашивал, почему народ у него такой мрачный. Да оттого, что трудно людям смириться с этими потерями и принять их как должное».

Дивизия, в которой служил майор Злобин, вчера утром оседлала перевал Войтеш, захватила городок Прад. Туда переехал штаб соединения.

Полковник Василевич вызвал к себе Злобина в четыре часа пополудни. Он был каким-то взвинченным, нездорово возбужденным.

– Есть возможность отличиться, товарищ майор, – сказал полковник.

Все бы ничего, но больше всего Злобин ненавидел, когда его использовали втемную. Возможно, Василевич и сам чего-то не знал. Но он держал в тайне даже то, что ему было известно.

– Не могу распространяться, майор, извини. Есть такое понятие – военная и государственная тайна. Это господин Рудольф Кунце. – Полковник бросил на стол фотографию.

Снимок запечатлел худощавого мужчину лет сорока пяти с интеллигентной, но какой-то хищной наружностью. У фигуранта были острые скулы, вытянутое лицо, внимательные глаза. Верхнюю часть черепа рассекали две глубокие залысины.

– Кто он, Иван Поликарпович? – осведомился Вадим. – Видный деятель СС, НСДАП? Крупный промышленник рейха? Банкир? Медицинское светило, проводящее опыты в концлагерях?

– Ты даже близко не угадал, – не упустил возможности съязвить полковник. – Извини, это тайна. Живи теперь и мучайся. Но этот субъект трудится на благо и процветание рейха, является значительной фигурой. Значит, он должен находиться не где-нибудь, а у нас в камере. Работать с ним должны не германские специалисты, а наши органы. Разведка давно его искала и в Бухаресте, и в Темишоаре, и вот появился след. Господин Кунце месяц назад сбежал из столицы Румынии, где-то отсиживался, выискивал возможность пробраться в Венгрию. Вчера потрепанная рота вермахта прорвалась в ущелье Тырну-Фошу и встала в деревне Пештера. Это вот здесь. – Палец полковника заскользил по карте. – Соседний с нами перевал, до него километров четырнадцать. У нас давно имелись сведения о том, что Кунце находится где-то рядом вместе с женой Генриеттой. Он повредил ногу, укрылся в деревне, имея при себе охрану, выделенную лично штандартенфюрером Зейбелем, бывшим начальником службы безопасности в Бухаресте.

– Ничего себе, Иван Поликарпович, – заявил Злобин. – Стало быть, фигура значимая.

– Это я и пытаюсь до тебя донести, – ворчливо отозвался Василевич. – Фигура крайне важная. Если ему удастся прорваться в Венгрию, то крепко достанется не только нам с тобой, но и очень высокому начальству. Три дня назад его засекли в деревне Штейу. Сработали местные сознательные граждане, передали сведения полковой разведке. Рудольф Кунце примкнул к роте гауптмана Лаггера и движется вместе с ней. Подразделение основательно измотано, у Лаггера в строю осталось семьдесят человек плюс два десятка раненых. Быстро двигаться немцы не могут. Перемещение роты отметила наша авиационная разведка. После этого в районе ущелья высадилась пара парашютистов с рацией. Это офицеры из дивизионной разведки. Действовали они вслепую, на успех особо не рассчитывали, но им повезло. В общем, разведка доложила точно и получила приказ вернуться. Лаггер расположил своих людей в деревне. Кунце с женой и свитой обосновались в старинном поместье Форгарош. Оно находится там же, к западу от деревни. Не знаю, что за прихоть, возможно, жена захотела быть подальше от военных и поближе к забытой жизни. Уходить из ущелья в ближайшие часы Лаггер не намерен. Он хочет дать людям отдых, не знает, что мы его нашли. Если вечером не уйдет, то до утра точно никуда не денется, не двинется ночью по горам со своим табором. Сделай приличное лицо, майор, никто не собирается сбрасывать тебя с парашютом. Но поработать ногами придется. Нам все равно надо брать этот перевал, так почему бы не совместить два полезных дела? Батальон капитана Ненашева выступает через час. Ему предстоит муторный марш-бросок, чтобы к рассвету оказаться на месте. В Тырну-Фошу ведет дорога, но это только на словах. Местность сложная. Собирай свою группу и отправляйся в путь. Координируй действия с Ненашевым, он мужик толковый. Можешь рассчитывать на взвод красноармейцев. Знаком с лейтенантом Маркиным? Ничего, познакомишься. – Полковник Василевич спрятал в усы усмешку. – Получишь нагрузку, майора Полякова из разведотдела. Спорить бесполезно. Именно разведка начала эту операцию. Не будем затевать межведомственную грызню. Разведотдел получил указание подключить к делу Смерш и действовать совместно. Так что удачи тебе, майор. Помни о том, что Кунце следует брать живым.

Спина майора взмокла под ворохом одежд. Нормальное рабочее волнение является неотъемлемой частью службы.

Рассвет занимался. Обрисовались стены, изъеденные старостью, проржавевшие решетки на окнах. Закукарекал петух где-то на северной стороне замка. Раскудахтались, захлопали крыльями куры.

Ненашев не подвел. Он скрытно подтянул своих людей и ровно в 7.45 обрушил на деревню всю мощь своего батальона, усиленного румынской ротой. В долине гремели взрывы, оттуда доносилось громогласное «ура!».

Часовой выбежал из ниши, завертелся, стряхнул с плеча автомат и побежал за угол. Злобин напрягся, впрочем, тут же сообразил, что на юге, где расступались деревья, имелся каменный утес, с которого открывался вид на долину. Часовой хотел знать, что там происходило. На это ему хватило тридцати секунд. Мужчина в развевающейся плащ-палатке вернулся, запрыгнул на ступени и пропал в нише.

В замке уже стоял шум. Там голосила женщина, вроде и не одна, ругались мужчины.

Немецкий язык не был чужд майору контрразведки. «Чертовы русские! Надо уходить отсюда! Герр Кунце, что вы ковыряетесь? Где ваша супруга?!» – разобрал Вадим и усмехнулся. Дамы не спешат, у них утренний туалет, марафет, завтрак.

Злобин и не ждал, что вся эта группа сей же миг кинется из замка. Сперва надо собрать людей, какие-то вещи, оружие, боеприпасы.

Через пару минут из замка выбежали трое солдат с автоматами, рассыпались по периметру двора, сели на корточки. Их взгляды скользили по опушке леса.

Вадим прекрасно представлял себе, что по этому поводу думали красноармейцы. Враг рядом, не промахнется даже человек с ослабленным зрением! Но бойцы помнили приказ. Открывать огонь они могли только по сигналу.

Один автоматчик привстал, повернулся к крыльцу и махнул рукой. Из замка потянулись люди. Почти все они имели оружие, выбегали на открытое пространство, озирались. В долине шел бой, эхо отражалось от скал, дробилось. Но у замка все было спокойно. Немцы расслабились, переводили дыхание, сгруппировались у крыльца.

Плотный мужчина в офицерской фуражке что-то втолковывал худощавому субъекту. Тот нервно тискал темно-коричневый кожаный портфель. На эту личность стоило обратить внимание. Он был чуть выше среднего роста, худой, весь бледный от волнения, носил длинный серый плащ и черную шляпу с узкими полями. Человек этот явно спешил, собирался впопыхах. Шнурки его ботинок не были завязаны и волочились по земле.

Это, конечно же, был Кунце, мужчина с фотографии. Дистанция до него составляла метров шестьдесят, лицо хорошо просматривалось. Он выражал недовольство старшему группы.

Рядом с ним стояла женщина в длинном пальто с поднятым воротником, на голове модный берет. Ее лицо пряталось в тени. Дама что-то говорила, вяло жестикулировала. Она была на полголовы выше своего мужа, такая же худая, высохшая.

Супруги Кунце могли бы понять, что офицер не виноват. Он не в состоянии контролировать действия Красной армии. Но они все равно выражали недовольство.

Беседа надолго не затянулась. Мужчина повернулся к женщине и разразился какой-то тирадой.

– Дорогая, так надо. Эти проклятые русские!.. – расслышал Вадим.

Женщина задрожала, натянула капюшон, отчего ее лицо окончательно ушло в слепую зону. Она раздраженно отмахнулась. Мол, делайте, что хотите.

Охранники заторопились, начали оживать. Они определенно что-то чувствовали. Все рослые, как на подбор, крепко сбитые, морально стойкие, уверенные в себе, готовые идти до конца.

Вадим кусал губы. Враги сбились в кучу. Их можно было перестрелять за несколько секунд. Но это вершина снайперского мастерства – положить всех, кроме супругов в штатском. В текущих условиях сделать это было невозможно. Изнывали бойцы, терзались оперативники. Доколе будет продолжаться это измывательство?!

Майор Поляков, лежавший рядом со Злобиным, утробно сопел, нянчил рукоятку пистолета.

– Их двенадцать, Вадим Алексеевич, – прошептал он. – Десять человек охраны и семейная пара. Неплохой конвой. Вот нам бы такой.

– Станем важными персонами – получим. Главное, чтобы они в лес толпой не повалили.

«Хоть молись, ей-богу!» – подумал Злобин. – Понятно, что на дорогу они не побегут. Это будет верное самоубийство. Путь к отступлению у них один – на север, в лес».

Местность там поднималась, но сравнительно полого, тропа петляла, потом исчезала за деревьями. Здесь произрастали ели с пихтами, пышные, сочно-зеленые, источающие терпкий аромат.

Немцы направились к тропе, растянулись вереницей. Трое ушли вперед, с нетерпением озирались. Спотыкалась женщина, супруг поддерживал ее за локоть. Охранники наступали им на пятки, но не подгоняли, проявляли выдержку. Группа вышла на открытое пространство, до ближайших деревьев оставалось метров двадцать.

«Позиция удобная, можно перестрелять всех лишних», – решил Злобин и выкрикнул:

– Огонь!

Автомат выплюнул короткую очередь. Офицер, возглавлявший процессию, словно споткнулся, упал на колено, потом на грудь. Вспыхнула стрельба! Наконец-то, дождались!

Треск ПППШ перекрывал высокий голос лейтенанта Маркина:

– В гражданских не стрелять! Кто это сделает, лично прибыю!

Лейтенант был с понятием, хоть и молод.

Охранники заметались. Женщина заголосила, присела на корточки, закрыла голову руками. Кунце попятился, лицо его исказилось от страха. Он забыл про свою жену. К нему бросились двое автоматчиков, закрыли спинами, стали строчить по кустам. Один из авангарда помчался вперед, надеясь укрыться за деревьями, но не учел дистанции и покотился по земле, когда до ближайшей елочки осталось метров пять.

Выжившие эсэсовцы проявляли хладнокровие, вели огонь, пятились обратно к замку какой-то неповоротливой каракатицей. Немка никак не замолкала, надрывалась криком. Двое солдат прикрывали отход. Один из них бросил гранату. Она взорвалась посреди двора, который тут же заполнился смрадным дымом.

Красноармейцы ругались, прекратили стрелять. В этом дыму можно было зацепить пулей неприкосновенную персону. Потом лейтенант и впрямь прибыет. С него станется.

– Где пулеметчик?! – кричал Злобин. – Почему не отсекает?!

– Товарищ майор, затвор заклинило! – выкрикнул боец с ручным пулеметом.

Вот так и рушатся даже самые продуманные планы. Бешенство ударило в голову майору.

Вторая граната полетела вдогон за первой, и снова клубился дым. Немцы вбегали в замок. Дюжий эсэсовец втолкнул внутрь важную персону, схватил за ворот супругу, отправил тем же курсом. Замок – западня, но что еще им оставалось делать?

Красноармейцы снова открыли огонь.

Охранники топали по крыльцу, пропадали по одному. Отход прикрывал рослый здоровяк в распахнутом плаще. Обмундирование на нем обвисло, лоснилось. Он задом наперед поднимался на ступени, стрелял от бедра, тяжело дышал. Кончились патроны. Эсэсовец выбросил ненужный автомат, выхватил из кобуры под плащом «вальтер», оттянул затвор и открыл беглый огонь. Обойма иссякла мгновенно. Он тщетно давил на курок, что-то злобно выкрикивал.

Пули порвали мягое обмундирование. Эсэсовец изменился в лице, рухнул на ступени, растянулся на них.

«Трое готовы», – машинально подсчитал Вадим.

– Вперед! – крикнул он, принимая низкий старт. – Охрану уничтожить, гражданских не трогать!

Красноармейцы поднялись и бросились к замку. Злобин бежал вместе со всеми и кипел от злости. Задача усложнилась. Он хотел все сделать легко и просто, но не получилось. Автомат висел на груди, стучал по ребрам.

Вырвался вперед лейтенант Маркин, длинноногий, жилистый, физиономия кукольная, даже восемнадцать не дашь. С головы его слетела фуражка. Кто-то из бойцов отбросил ее носком, чтобы не мешалась.

Пот со Злобина катился градом. Рядом с ним сопел майор Поляков, не отставал и, наверное, украдкой радовался проколу смежников. Ведомства негласно соперничали, но все равно ведь общее дело делали. Этот парень был не трус, пошел на обгон.

Слева от Вадима возникли Куделин с Баевым. Глаза у обоих сверкали, как у вампиров. Справа из-за дерева выпрыгнул Михаил Кустовой, примкнул к атаке.

Самые быстроногие бойцы уже топали по ступеням, когда из черного проема ударил автомат. Немцы оставили заслон. Этого и следовало ожидать. Злобин хотел обойтись без потерь, но добиться этого ему не удалось.

Упали, истекая кровью, два бойца. Шарахнулся в сторону Пашка Куделин, едва не получивший пулю.

Кто-то из красноармейцев бросил гранату по навесной траектории. Она перескочила порожек, влетела в тамбур. Эсэсовец ахнул, упал на колени, схватил гранату, хотел выбросить ее. Но время вышло. Она сработала у него в руке. Взрыв оторвал кисть, осколки изувечили лицо.

Расторопный ефрейтор с казацким чубом перескочил через громилу, валяющегося на ступенях, прижался к колонне и забросил внутрь вторую гранату, на всякий пожарный случай. Дрогнули каменные стены. Ефрейтор не ждал особого распоряжения, ворвался в замок, ударил из ППШ.

Злобин кого-то оттолкнул, вбежал следом за ним. На него навалилась темнота, ощущение разомкнутого, но какого-то душевного пространства. Ефрейтор не был ротозеем, ушел вправо, распластался на полу. Вадим споткнулся о тело эсэсовца, изувеченное осколками, подался влево, тоже упал.

Это был просторный холл с нереально высоким потолком. Темнота тут стояла не абсолютная. Свет поступал из дверного проема, в дальней стене имелись окна с узорами. Но для человека, вбежавшего с улицы, мрак был непроглядным.

Они снова попали под огонь. Справа в полумраке выделялась широкая каменная лестница с перилами. Немцы стреляли из-под нее. Охнул и упал боец, еще один схватился за простреленный живот, осел как-то боком, стал задыхаться. Солдаты залегли на мраморном полу.

Злобин откатился дальше. Он лихорадочно ловил в прорезь прицела мельтешащие огоньки, дал длинную очередь, вел огонь, пока не иссяк диск. Кто-то вывалился из-под лестницы и растянулся на полу. Снова началась чехарда. Бойцы поднимались, палили для острастки во все стороны.

Это было огромное и практически пустое помещение. Слева очертились дверные проемы. Посыпались с потолка осколки хрустальной люстры. Разбилось окно в дальнем конце холла. Куда пропали враги?

Вдруг тревожно закричал боец, кажется, тот самый ефрейтор с чубом. Он засек движение на лестнице.

Огонь усилился. По мраморным ступеням покатилося тело и застыло у подножия лестницы. В полумгле переливались руны в петлицах.

«Шестой, – отметил Вадим. – Значит, выжившие немцы побежали наверх. Зачем? Вопрос интересный. Но больше, видимо, им податься некуда. Все окна первого этажа забраны решетками».

Это соображение Злобина подтвердила автоматная очередь, ударившая сверху. За лестницей находился коридор, оттуда и летели пули. Тут же прозвучал ответ из всех стволов, и стрелок спрятался.

Два бойца перебежали, скорчились под лестницей. Один достал гранату, хорошо размахнулся и бросил ее вверх. РГД-33 упала на площадке у входа в коридор, рванула с оглушительным треском. Эхо забилося под куполом. Взрывная волна порвала дверной косяк, осколки изрешетили перила.

– Эй, осторожнее! – крикнул Злобин. – Вы нас так без лестницы оставите!

Кто-то из бойцов засмеялся.

Красноармейцы, сидевшие под лестницей, запрыгали по ступеням.

– В коридор не входить! – распорядился майор. – Держать проем, не подпускать противника! Маркин, ты здесь?

– Так точно, товарищ майор! – выпалил юный лейтенант.

– На второй этаж пока не заходить! Теперь хорошо думайте, прежде чем стрелять. Помните, что гражданских надо брать живыми, даже если они будут отстреливаться! Обследовать помещения первого этажа. Да осторожнее, там могут быть ловушки! Поставь четверых снаружи по периметру, пусть смотрят во все глаза да не маячат на юру! Пятеро, за мной! – Он взлетел по лестнице, прижался к стене.

Красноармейцы прилипли к косякам, обнимали автоматы и вопросительно смотрели на майора. В холле покрикивал Маркин, бойцы разбежались туда-сюда. Им было чем заняться, помещений внизу хватало. Электричество в замке отсутствовало, но из окон поступал дневной свет, темнота рассеялась.

В затылок Вадиму возбужденно дышал майор Поляков, но природная скромность не позволяла ему лезть поперек контрразведки. К ним подобрался старший лейтенант Никита Баев, невысокий, темноволосый, всегда спокойный и уравновешенный, тоже прислонился к стене. Остальные не напирали, держались сзади.

«Не разбираюсь я в старинных рыцарских замках, не могу сказать, как расположены здесь помещения и выходы. Вдруг тут есть подземный ход и врагам нашим о нем известно? Тогда пиши пропало, – рассуждал Злобин. – Но откуда им знать? Пришли они сюда, чтобы выспаться, а поутру снова в путь. Очень сомнительно, что подземный ход начинается на втором этаже. Немцы сами угодили в ловушку. Возможно, баба первой припустила к лестнице, рассорившись с головой. Кунце побежал за ней, а остальным куда деваться? Полезут в окно, их встретят автоматчики. Да и высота у здешнего второго этажа весьма приличная. В окно не выпрыгнешь».

– Сколько у них охраны осталось, Вадим Алексеевич? – прохрипел Поляков. – Четверо?

– Примерно так, – ответил Вадим. – Надеюсь, гранаты у них закончились, да и патронов осталось негусто.

– Получается, что они в западню забрались, товарищ майор, – гулко прошептал Баев. – Сами, по собственной инициативе. Никто их об этом не просил. Чудно как-то.

– У них другого выхода не было, – подал голос Пашка Куделин, улыбкастый смекалистый паренек, перебравшийся в Смерш из полковой разведки Второго Украинского фронта. – В замок побежали, чтобы выжить.

– Товарищ майор, мы еще одну лестницу нашли, винтовую, в дальнем северном углу, – прокричал снизу Маркин. – Вы сейчас у коридора стоите, так она, скорее всего, в него же и ведет, только с обратной стороны.

– Охраняйте ее, лейтенант. Под пули не лезьте!

– Слушаюсь, товарищ майор! Только у меня взвод не резиновый, все позиции не удержим. Мы уже четверых потеряли, и двое ранены.

– Я могу тебе помочь?

– Да это я так, товарищ майор, не обращайтесь внимания. Бойцы докладывают, что на первом этаже нет никого, и снаружи все спокойно.

– Понял тебя. Ты, главное, не расслабляйся! Ищите подвалы! – сказал Вадим, присел на корточки и высунулся в коридор.

Дневной свет просачивался сбоку, пространство тонуло в полумгле. Коридор был широкий и короткий. В нишах стояли массивные вазы, к потолку крепились бревенчатые балки. Стены покрыты побелкой. Во многих местах она отслоилась, осыпалась, но на полу ее не было. Значит, за чистотой здесь кто-то следил.

Коридор поворачивал влево. Дальше он, видимо, тянулся вдоль северной стороны здания.

Бойцы затаили дыхание, слушали.

Вадим переступил порог, двинулся вдоль стены. За ним потянулись остальные.

– Я обгоню вас, – проворчал лейтенант Куделин, обошел Злобина и прижался к стене перед поворотом.

Нервы у Вадима неприятно пошаливали.

– Гранату, Вадим Алексеевич? – деловито предложил Поляков.

Он подбрасывал на ладони ребристый комок металла.

– Придержите пока. С вашими гранатами, Евгений Борисович, мы скоро весь замок обрушим, – сказал Злобин, отстранил Куделина и глянул за угол.

Смертники там в атаку не рвались.

Коридор впечатлял габаритами. Справа узкие окна, выходящие на северную сторону, неглубокие ниши. Слева дверные проемы. Злобин насчитал их четыре. Он не знал, что располагалось за ними. Обстановка тут была какая-то... Вадим никак не мог подобрать верного слова. Монастырская, что ли. Беленые стены, строгость линий, никакого уюта. Коридор обрывался метров через тридцать. Там и находилась, по-видимому, та лестница, о которой кричал Маркин.

В дальнем проеме что-то шевельнулось. Там, пригнувшись, перебежал человек. Прогрела автоматная очередь. Красноармейцы не дремали, но и не совались в коридор раньше времени. Попытка воспользоваться винтовой лестницей провалилась. Тот же самый субъект проскочил обратно и растворился в проеме.

Женщина сдавленно лопотала, плакала, давилась слезами. Мужчина что-то закричал. Потом кто-то опрокинул какую-то мебель.

– Тут они, товарищ майор, – прошептал Куделин. – И никуда им не деться, обе лестницы перекрыты.

– Эй, бойцы! – Злобин обернулся. – Кто тут у вас самый быстрый? Бегом к Маркину, пусть выделяет людей. Надо следить за крышей. Немцы могут пролезть на чердак. Мы ведь не знаем, что у них на уме. Пожарную лестницу все видели. Еще пусть ищут проходы в сторожевые башни. Там может быть секретный лаз. Это, конечно, сомнительно, но чем черт не шутит.

Боец выбежал в коридор, затопал по лестнице.

– Прошу минуту внимания! – крикнул по-немецки Вадим, выждал несколько секунд и продолжил: – К вам обращается офицер советской контрразведки Смерш. Сопротивление бессмысленно, вы заперты здесь, в замке. Предлагаю один раз, сдавайтесь и сохраните себе жизнь! Это гарантирую вам я, майор Злобин! Выбрасывайте в коридор оружие и выходите с поднятыми руками. Герр Кунце и фрау Генриетта, вас это тоже касается. Даю на размышление пять минут, потом вы будете уничтожены!

Пауза была короткой, как выдох. Потом опять забубнила женщина, зашуршала мебель, забежали люди. Раздался надрывный смех. Похоже, немцы нашли выпивку, не преминули наполнить бокалы, сдвинули их. Хрустальные переливы были весьма красноречивы.

– За великий рейх! – выкрикнул какой-то мужчина. – Смерть врагам!

– Надо же, они там выпивают, – сказал Куделин и недоверчиво pokrutil головой. – За упокой своих душ, получается, пьют.

– За упокой вроде не чокаются, – проговорил Никита Баев.

– Это у нас не чокаются, – заявил майор Поляков. – А у них еще как. Зря вы им пять минут дали, Вадим Алексеевич. За это время они все запасы спиртного в замке прикончат, а пьяному море по колено.

– Понимаете по-немецки, Евгений Борисович?

– Не поверите, Вадим Алексеевич, я даже по-польски понимаю.

Минуты текли как часы. За стенами стало подозрительно тихо.

«Стреляться бы они там не начали, – опасливо подумал Вадим. – Заодно и Кунце могут прикончить, чтобы нам не достался. А имеют ли охранники право распоряжаться жизнью своего подопечного? Это спорный вопрос».

Злобин отступил за угол, перевел дыхание. Людей в коротком коридоре скопилось много. Они рассредоточились вдоль стен, ждали приказа.

– Мы их заперли, командир, – прошептал Кустовой, крепко сложенный мрачноватый малый со сложным характером и запутанной биографией. – Не уйти им с этажа, если прорываться, конечно, не надумают. Измором будем брать?

– Тут ведь не Измаил, чтобы осаду затевать, – задумчиво протянул Вадим.

Поведение противника было непредсказуемо. Солдаты и офицеры вермахта уже давно сдались бы. С членами СС дело обстояло сложнее. У них имелись свои принципы и понятия о долге и чести.

На этаже было подозрительно тихо. Дрожали натянутые нервы. Через миг брякнул металл, соприкасаясь с полом.

Злобин высунул нос из-за угла и увидел, что из второго по счету проема немцы выбросили автомат. Теперь он валялся посреди коридора. Неплохой, в сущности, знак. За первым стволом последовал второй, ударился об пол с противным лязгом.

Злобин вышел в коридор, держа палец на спусковом крючке, чуть поколебался и двинулся вперед.

– Уверены, Вадим Алексеевич? – прошептал ему в спину Поляков.

– Думаю, что да, Евгений Борисович. Пора кончать эту волюнку.

Он сделал несколько шагов, миновал закрытую дверь, остановился в паре метров от проема. Но нет, безумие вовсе не закончилось. Оно только началось!

Дверь за спиной у него отворилась бесшумно, и все же он это почувствовал. Онемела кожа, мурашки побежали по затылку. Вадим резко повернулся. Каждая клеточка его тела вопила о том, что уже поздно! Он поддался на простую уловку. У немцев кончались патроны, вот они и выбрасывали в коридор лишний металл!

На майора смотрела мерзкая физиономия, Немец вышел за дверь и уже готов был выстрелить из «вальтера». Запах алкоголя наполнил пространство.

Поляков опередил фрица, выскочил из-за угла и дважды выпалил в упор. Оберштурмфюрер резко подавился, сделал серьезное лицо и выронил пистолет.

Жар ударил Вадиму в голову. Взгляд его пристыл к мертвому телу.

Но он быстро вышел из оцепенения и сказал:

– Спасибо вам, Евгений Борисович.

– Да не за что, Вадим Алексеевич, кушайте с булочкой. В сторону! – выкрикнул вдруг Поляков и пальнул из ТТ.

Злобин метнулся вбок, провалился в нишу. Снова все гремело, наперебой кричали люди. Заныло плечо от сильного удара. Вадим наклонился, подобрал упавший автомат. Вакханалия опять разгулялась. Немцы возмущенно галдели, стреляли из дверного проема.

Поляков прижался к стене и был бледен как привидение. В обойме кончились патроны. Ему пришлось бы туго. С шальными пулями тоже приходится считаться. Но тут из-за угла выскочили двое красноармейцев, ударили из автоматов, и он благополучно провалился в сумрак.

– Товарищ майор, вы целы? – выкрикнул боец.

Вопрос был самый подходящий. У Вадима дико разболелась голова. Таково было не проходящее последствие прошлогодней контузии. При этих болях мыслительные процессы не ладились.

Карусель все вертелась. Красноармеец бросил в проем гранату. Когда за дверью глухо ухнул взрыв и развалилось что-то из мебельного хозяйства, он бросился в дым, строча на бегу. Следом за ним юркнули Пашка Куделин и кто-то еще.

Злобин опомнился, метнулся к арочному проему, из которого эсэсовцы выбрасывали автоматы. Там отсутствовала дверь, хотя конструкция проема ее предусматривала. За проемом клубился дым, кричали и топали люди. Пробежали несколько человек. Вадим ввалился внутрь, вдохнул изрядную порцию продуктов горения и закашлялся.

Глава 2

Вдоль коридора тянулась анфилада просторных залов. Комнаты переходили одна в другую, их связывали полукруглые арки. Перекрещенные потолочные балки, вычурные подсвечники на стенах, напольное ковровое покрытие, прожженное в нескольких местах. Вдоль стен выстроились массивные лавки с изогнутыми ножками. Сквозь окна, выходившие во внутренний двор замка, проникал дневной свет.

«Хватит ли у Маркина сообразительности выставить там охрану?» – с тревогой подумал Вадим.

В зале царил кавардак, плавал дым. Туда-сюда перебегали люди, вели непрерывный огонь.

Злобин прижался к стене, подался за какую-то затейливую тумбу, увенчанную развесистым подсвечником, который долго не продержался, рассыпался от прямого попадания. Выжившие эсэсовцы – а их осталось трое – пятились, качали маятник, вели огонь из «вальтеров».

Мимо тумбы проскочил боец. Парню не повезло. Пуля попала ему в грудь, он распростерся на ковре, дрожал в предсмертных корчах. Это был тот самый молодой чубатый ефрейтор. На сей раз бедняге не хватило сноровки. Вадим перебежал, прижался к стене в метре от проема.

В соседнем помещении каркали немцы, но он не понимал этих визгливых искаженных слов. Возможно, они сами себя не разумели. Откуда это ослиное упрямство? Фюрер подарит им за верную службу вторую жизнь?

К проему подбежал боец, выдал в него несколько пуль и привалился к противоположному косяку. Эсэсовцы вели отчаянный огонь, едва успевали менять обои.

Откуда-то возник лейтенант Маркин. Как же без него? Парень осип от постоянных понуканий, которые все равно никто не слушал. Трудно в этом аду что-то разобрать и четко выполнить.

Следующим залом оказалась столовая. Бойцы выдавили немцев и из нее. Огромный дубовый стол длиной во всю комнату, вереницы стульев, приставленных к нему, полированные пилястры на всем протяжении стен. Еще недавно здесь все было чинно и строго, теперь царил форменный бедлам. Взрывы гранат разворотили часть стола, расшвыряли стулья. Врагов уже не было, они ушли дальше.

Майор Поляков привалился к стене, тяжело дышал, держался за сердце. Он явно переоценил свои возможности. Офицеров обгоняли рядовые, шли вперед. Пробежал, спотыкаясь, Маркин.

С боем был пройден еще один зал. Там стояли круглые столы, накрытые чехлами. Ими явно давно никто не пользовался. Старинный буфет из черного дерева, какие-то массивные шкафы.

Немцы здесь пили. На полу валялись пустая бутылка и осколки разбитого бокала. Запах гари не мог заглушить аромат не самого изысканного пойла.

Слева часть пола была приподнята, словно подиум для эстрадных исполнителей. На этом возвышении стояли массивный диван и тяжелый стол с толстыми боковинами. Здесь было где спрятаться. Красноармейцы занялись поиском укрывшихся врагов.

Следующее помещение в анфиладе напоминало гостиную. Виднелись тусклые картины на стенах, кожаное кресло. Оттуда летели пули, и Злобин решил не рисковать, вперед не лезть. Гранаты у противника кончились, патроны тоже были на исходе.

Послышались сухие металлические щелчки. Обои у немцев опустели. Настала оглушительная тишина.

– Не стрелять! – приказал Злобин.

В помещение на цыпочках вошел Куделин, присел у стены и вопросительно уставился на командира. Появился и Поляков. Он держался за горло и кашлял: надышался дыма. Куделин схватил его за рукав, оттащил от проема.

Вадим осторожно выглянул из-за косяка.

Кресла были сдвинуты к стене, ковер скатан в рулон, стоявший в углу. Люстра почему-то была снята со своего законного места. Посреди потолка чернел крюк, весьма подходящий для устройства виселицы.

Посреди комнаты стояли двое мужчин в рваном обмундировании. Эти мрачные типы исподлобья смотрели на своих врагов. Один русоволосый, другой блондин – хоть сразу на плакат, восхваляющий арийскую расу: суровая физиономия, лучистые голубые глаза, плотно сжатые губы. Один носил форму гауптштурмфюрера. Звание второго было ниже – оберштурмфюрер. Они были без оружия, пистолеты выкинули. Эсэсовцы стояли, расставив ноги, и угрюмо тарасились на автоматчиков, входящих в зал.

– Взять их, – процедил Злобин. – Не расстреливать.

Но приказа не распускать руки он, к сожалению, не отдал. Спаренные молнии в петлицах, череп со скрещенными костями. Для советских людей эти символы были как красная тряпка для быка! Красноармеец подлетел к блондину и с размаха двинул прикладом в челюсть. Тот мотнул головой, выплеснулась кровь изо рта. Оберштурмфюрер что-то злобно прошипел и ударил красноармейца кулаком в грудь. Тот отлетел в сторону, но к эсэсовцу тут же подбежали двое других и стали бить. Тот сперва пытался защищаться, потом закрылся руками, терпел побои.

– Отставить! – выкрикнул Вадим. – Кому было сказано! К стене их и охранять!

Бойцы схватили блондина за шиворот и швырнули в угол. Он не упрямствовал, только злобно смеялся. Этот смех отдавался болью в расшатанной нервной системе майора контрразведки Смерш. От немцев исходил алкогольный дурман, и это еще больше бесило Злобина. Второго эсэсовца красноармейцы швырнули туда же.

Это событие отвлекло Вадима от самого главного. Он опомнился, уставился на закрытую дверь в глубине помещения. Анфилада обрывалась. Эта комната, в отличие от прочих оснащенная дверью, была последней на этаже.

Майор подбежал к створке и припал к косяку, держа автомат стволом вверх. Звукоизоляция была приличной, но все же слышался женский плач. Мужской голос был настойчивым, но очень тихим.

У Злобина сухо стало в горле. А вдруг эта семейка вооружена и Кунце сейчас уговорит супругу совместно отбыть в лучший из миров?

Вадим ударил в дверь ногой, и она распахнулась. Женщина испуганно вскрикнула. К створке подбежал невысокий красноармеец с автоматом наперевес, оттер плечом майора и ввалился в комнату.

– Не стрелять! – приказал Злобин.

Возможно, боец и не собирался этого делать, но ситуация вышла из-под контроля. Это был полнейший абсурд!

Кунце бил из пистолета, защищал себя и жену, не знал о приказе брать его живым. Пуля попала красноармейцу в живот. Беднягу согнуло пополам, но автомат остался в его руках. Он падал и давил на спусковой крючок. Пули крошили людей, сидящих на полу.

Вадим ворвался в помещение, рыча от бешенства. Да за такие дела надо расстреливать на месте! Но боец сам подписал себе приговор. Он лежал на спине, давился кровью, виновато смотрел на майора. Глаза его затянула предсмертная муть.

У Злобина закружилась голова. Все жертвы, понесенные теми людьми, которыми он командовал, оказались напрасными.

Майор Поляков как-то крадучись вошел в помещение и тут же смертельно побледнел. В дверном проеме замер Кустовой. Он мялся там, как бедный проситель, не решался войти. Помещение напоминало кабинет: шкафы, стеллажи, внушительный канцелярский стол.

Другой двери здесь не было. Чета Кунце убегала и попала в тупик. Тут имелось окно без решетки, но внизу был двор, там красноармейцы, поставленные Маркиным. Какой смысл из него прыгать, если можно покончить с собой иначе?

Женщина привалилась спиной к книжному шкафу. Супруг сидел рядом с ней. Его пальба из пистолета не мешала взять их живыми! Они даже не пытались встать.

Женщина умерла мгновенно, свесила голову. Не сказать, что красавица. Слишком уж высокая, сухое лицо с посеревшей кожей, выцветшие волосы, какой-то хищный нос. Пули прошили ее грудь, не оставили ей шанса. Тонкий рот был приоткрыт.

Герр Кунце еще шевелился, кадык его подрагивал. Но этот случай тоже был безнадежен. Три пули в груди – явное тому подтверждение. Закрылись глаза, исторгся из горла последний вздох.

Да, это был именно Кунце, человек с фотографии. Майор пристроился на корточках, искал пульс, но уже понимал, что делает это совершенно зря.

Вадим безотрывно смотрел на мертвое тело. Перед ним лежал человек, которого он был обязан взять живым. Призрак крупных неприятностей уже обретал вполне реальные формы.

Рядом с телом Кунце лежал портфель, обтянутый темно-коричневой кожей. Эту штуку Вадим уже видел во дворе, в руках у теперешнего покойника.

В голове майора что-то щелкнуло. Он раскрыл портфель и убедился в том, что тот был абсолютно пуст. Растаяла последняя надежда. Личные вещи Кунце, видимо, бросил, когда спешил покинуть замок. Но вот зачем ему понадобилось таскать с собой пустой портфель?

– Есть что-нибудь? – осведомился Поляков, вытянув шею.

– Нет, пусто, – ответил Вадим и со злостью отбросил портфель.

– Почему? – спросил Поляков и сглотнул.

– Вы с кем сейчас говорите, Евгений Борисович?

– Простите. Обыщите тело, товарищ майор, если вам несложно.

Это было несложно, но противно. В карманах мертвеца лежали немецкий паспорт на имя Рудольфа Кунце, таблетки от желудочных болей, носовой платок, сигареты с зажигалкой, выцветшее фото молодого человека в форме пилота. Наверное, это был сын.

При женщине вообще ничего не было. Она бежала налегке, едва успев одеться. Все ее вещи остались в комнате для ночлега.

– Нет ничего, Евгений Борисович.

– На нет и суда нет, Вадим Алексеевич, – сказал Поляков, прислонился к стене, опустился на колени и сжал виски.

Майору разведки хватило выдержки. Он не собирался выть белугой.

«А ведь им тоже нужен Кунце в живом виде», – подумал Вадим и спросил:

– Знаете, кто он, Евгений Борисович?

– Это Рудольф Кунце, – ответил Поляков и вздохнул. – Что за странные вопросы?

– Не делайте вид, будто не понимаете, товарищ майор. Кто он? Врач, банкир, дипломат, видный деятель нацистской партии?

– Кунце – инженер, – проговорил Поляков. – Не спрашивайте, в какой области, это не моя тайна. Не знаю, состоял ли он в СС, но отношение к этому одиозному ордену мог иметь, иначе давно сдался бы. Какого черта? – Поляков досадливо щелкнул пальцами. – На что он надеялся? Ведь неглупый человек, знал, что талантливых специалистов советская власть не ликвидирует. Да, почетом и роскошью его у нас не стали бы окружать, но жил бы сносно, с супругой под боком.

– Он не знал, что эта комната тупиковая, на что-то надеялся до последней минуты.

Офицеры опергруппы удрученно молчали, когда Злобин вышел из кабинета. Их командир не отличался вспыльчивостью, но все же они решили не рисковать. Кустовой отвернулся и чиркал зажигалкой. Никита с Павлом усердно делали вид, что они тут случайно, на минутку. К ним подошел лейтенант Маркин, на глазок оценил ситуацию и поспешил ретироваться.

По гостинной плавал убийственный запах спиртного. Оно действовало с задержкой, и сейчас эсэсовцы были в стельку пьяны. Их основательно обработали красноармейцы, взбешенные гибелью товарищей, но вряд ли получили удовольствие. Устраивать разнос по этому поводу Злобину не хотелось. Главное, что не убили.

Эсэсовцы ползали по полу под дулами автоматов, их рвало. У гауптштурмфюрера заплыл глаз. Все лицо его товарища превратилось в первосортную сливу.

– Поднимите их, – распорядился Злобин.

Красноармейцы мигом поставили эсэсовцев на ноги, не скупясь на тумачи. Они качались, блаженно лыбились, выглядели так, словно только что выбрались из выгребной ямы. Смотреть на эту мерзость без рвотных спазмов было невозможно.

– Расстрелять их, и все дела, товарищ майор, – заявил безусый рядовой с пушком на щеках. – На кой ляд они нам нужны?

– Отставить ценные предложения! Обыскали их?

– Так точно, товарищ майор! – Боец кивнул на всякую мелочь, лежащую на столе. – Ничего ценного. Курево, документы, леденцы на палочке. У одного иконка завалилась. Этот ублюдок в Бога верует.

– Назовите себя, – приказал по-немецки Злобин.

Блондин икнул, уставился на него осолопевшим взглядом.

После возлияния и последующего избиения он вряд ли хорошо соображал, но вопрос понял и даже сумел ответить на него:

– Гауптштурмфюрер СС Зигфрид Хоффель. Отдел управления тайной полицией Бухареста.

– А вы? – Вадим повернулся ко второму эсэсовцу.

Тот пошамкал опухшим ртом, задумался, стоит ли разговаривать с представителем неполноценной расы, но все же выдавил из себя:

– Оберштурмфюрер Дитрих Крауземан. Мы больше ничего не скажем, можете нас расстрелять.

Допрашивать эту публику в текущих условиях было бессмысленно. Что-то подсказывало майору, что отправлять их в мир иной пока рановато.

– Фамилия? – Вадим повернулся к приземистому бойцу с рыжими усами.

Тот вытянулся и ответил:

– Ефрейтор Крыленко.

– Бери двух ребят и тащите эту славную парочку вниз. Поставить в известность лейтенанта Маркина. Связать им руки, чтобы не дергались. Надеюсь, подвалы уже осмотрели. Изыскать возможность поместить их под замок и тщательно охранять. Больше не бить. Скоро у них похмелье начнется, они и сами намучаются.

– На похмелье эти хлопцы не рассчитывали, – заявил Никита Баев. – Полагали, что выпьют и на небеса отправятся.

– Слушаюсь, товарищ майор! Разрешите выполнять?

Бойцы вышвырнули пленных в коридор и погнали по лестнице. Красноармейцы, находившиеся в холле, встретили их криками негодования.

– Послушайте, Вадим Алексеевич. – Майор Поляков как-то замороченно потирал лоб. – Что-то я никак не могу сориентироваться. Только у меня одного нелады с математикой? Мне все кажется, что во дворе их было больше.

Злобин похолодел, воззрился на майора. Это недопустимо! Налицо еще одна непрости-
тельная ошибка! Кого-то действительно не хватало.

Вадим даже знал, кого именно. В числе убитых и пленных не было коренастого субъекта,
старшего в группе охраны. Он беседовал во дворе с Кунце, а потом все началось. Кто этот тип
по званию? Штурмбаннфюрер, аналог майора в общевойсковой иерархии? Да какая разница?

В соседнем помещении, где стояли старинные буфеты, диван и стол на подиуме, что-то
хлопнуло, покатилося. Раздался топот. Народ всполошился. В том зале своих не было!

Кустовой бросился к арочному проему, остальные рванули за ним. Вот еще одна ошибка.
Надо было сразу выбегать в коридор, не терять несколько драгоценных секунд!

В коридоре загремели выстрелы, закричал часовой, кто-то еще. Конфуз вышел знатный.

Штурмбаннфюреру удалось спрятаться в шкафу, глубоком, пустом и вместительном.
Видели ли это Хоффель с Крауземаном, значения не имело. Кто успел, тот и спасся.

Он сидел в укрытии, когда мимо пробежали красноармейцы, ждал, пока отгремят
выстрелы, опустеет помещение, и лишь потом, когда стало сравнительно тихо, начал действо-
вать. План у него был глупый, но сработал.

Эсэсовец покинул шкаф – без шума это сделать ему не удалось, – выбежал в коридор,
кинулся к узкому окну. В дальнем конце коридора стоял караульный. Он увидел человека в
немецкой форме, среагировал на это, произвел выстрел, но промахнулся. У беглеца имелся
парабеллум с двумя патронами. Он выпустил обе пули в часового, ранил его, выбросил писто-
лет и вывалился в окно, предварительно выбив локтем стекло.

Задумка была безумная, но поди разбери, что творилось в голове у этого человека. Он
не мог сидеть в шкафу вечно, рано или поздно попался бы. Размеры окна вполне позволяли
протиснуться в него. Беглец действовал проворно. Его гнал страх, а может, и что-то еще.

Когда офицеры выбежали в коридор, в окне мелькнули только ноги. Прыгать с такой
высоты – верное самоубийство, но штурмбаннфюрер и не собирался этого делать.

Под окном был выступ шириной сантиметров десять. Он тянулся вдоль внешней стены.
Встать на него было нельзя, но можно зацепиться пальцами в падении. Так немец и сделал.
Задержка была небольшой, пальцы разжались, сила тяжести тащила эсэсовца вниз. Но этого
хватило, чтобы затормозить падение.

Беглец приземлился на ноги, отделался ушибами, ковылял в кусты, крича от боли. От
трения о стену отлетели пуговицы от кителя, и немец бежал в расстегнутом мундире. Неверо-
ятная сила гнала этого человека! Он постоянно озирался, лицо его искажилось от страха. Когда
офицеры подскочили к окну, штурмбаннфюрер уже одолел половину поляны.

Стрелять из высокого окна было неудобно, но не бежать же за табуреткой. Вадим вытянул
руку, бил из пистолета. Но целиться было невозможно. Рядом чертыхался Кустовой, выпускал
пули в молоко.

Штурмбаннфюрер добрался до кустов, когда из-за угла выбежал автоматчик, ахнул и
кинулся за ним, стреляя на бегу. Лучше бы он стоял на месте! Боец запнулся о корягу и хлоп-
нулся оземь! Когда вскочил и подобрал автомат, штурмбаннфюрера уже и след простыл. Крас-
ноармеец подбежал к лесу, полил опушку свинцом, потом полез в чащу, надеясь наткнуться
на труп.

На выстрелы прибежал возбужденный лейтенант Маркин.

Злобин дымился от ярости.

– Собрать всех бездельников – и в погоню, найти его! Взять живым или мертвым! Да
своего там в кустах не подстрелите! – выкрикнул он.

Побледневший Маркин умчался выполнять приказ.

Ноги у Вадима уже подкашивались. Он добрался до столовой, опустился на помпезный
готический стул, сжал пылающую голову.

«Что не так с этим замком? Ошибки одна за другой. Так не бывает! Сперва пулемет заклинило на самом интересном месте, потом я чуть не подставился под пулю, благо Поляков подсуетился; упустил возможность взять живым Кунце, проворонил бегство штурмбаннфюрера. Плюс уверенность в том, что люди Маркина его не догонят».

Он долго выходил из ступора. За окном шумели люди, кто-то бегал по коридору. С подозрением поглядывал на Вадима майор Поляков. Мялся Кустовой, справлялся, все ли в порядке с командиром, способен ли он выполнять свои обязанности. Голова Злобина трещала, как сухие дрова в буржуйке.

«Да, с этим замком что-то не так. Или это со мной? Сперва я потерял осторожность, а теперь вот-вот утрачу и ощущение реальности? Ладно, будет время разобраться».

Когда он вышел через холл во двор, там уже находился лейтенант Маркин, с ним бойцы, вернувшиеся в замок из леса. У всех солдат были вытянутые лица, лейтенант тяжело дышал, волосы у него слиплись.

– Ушел, товарищ майор, как сквозь землю провалился, – доложил он. – Все обыскали, метров триста прошли. Но там ельник уплотняется, склон крутой, сплошные буераки. Где его искать? Я оставил трех бойцов, чтобы продолжали поиски. Если не найдут, то через полчаса вернутся.

– Ладно, – сказал Злобин и подумал:

«Сегодня все не так. Невелика потеря. Штурмбаннфюрер бежал без оружия, в неприбранном виде. Вряд ли он доберется до своих. Сдохнет в чаще».

– Ты нормально себя чувствуешь, лейтенант? – спросил он. – Возбужденный какой-то, смотри, температура подскочит.

– Подскочит, это ладно, товарищ майор, – мрачно проговорил взводный. – Жар костей не ломит. У иных вон температура падает и больше никогда не поднимается. У меня час назад в строю двадцать семь бойцов числилось, полностью укомплектованный взвод. Семерых потеряли безвозвратно, двое раненых. Восемнадцать осталось, не считая меня. Два отделенных командира, сержанты Пьяных и Голиков. Хорошо, что не пострадали. Трудновато контролировать этот замок, товарищ майор. Какие будут указания?

– Дождись своих следопытов. Не отыщут бегунка, ну и черт с ним. Мы не можем прочесть все горы. Назад он не вернется. Выстави людей по периметру. Немцев загони в подвал. Чего они у тебя на солнце греются? – Вадим покосился на пленных, сидящих у крыльца под охраной автоматчиков. – За сохранность этих упырей отвечаешь головой. Еще раз осмотреть чердак, подвалы, сторожевые башни. Потом доложишь о результатах.

Лейтенант взял под козырек и убежал.

Вадим проводил его печальным взглядом. Мысль о детском саде не покидала его.

«Зачем таких юнцов берут на фронт? Пока еще они повзрослеют, если сразу не погибнут, не останутся навсегда молодыми».

В это время Маркин разорялся за углом:

– Где моя фуражка? Кто ее видел? Да вот же она, валяется посреди двора! Кто на нее наступил? Вашу мать, вы это специально сделали? – Потом он набросился на пулеметчика, который подвел товарищей в самый ответственный момент: – Онищенко, под трибунал пойдешь! Из-за тебя контрразведка провалила операцию. Почему за пулеметом не следишь?

– Все работало, товарищ лейтенант, пулемет был смазан. Я перебирал его недавно, – оправдывался боец. – Это же случайность. Как ее предугадать, залезть в душу к этой железяке? Но я готов понести наказание, если вам, товарищ лейтенант, так хочется.

Тема наказания в это утро звучала актуально и касалась не только пулеметчика.

Через десять минут расторопный лейтенант доложил Злобину:

– Часть подвалов мои бойцы уже осмотрели. Пленные под замком. Там каменный бокс есть специально для них. В нем уже кого-то держали, все приспособлено. Даже ключ нашелся в шкафчике недалеко от входа.

День разгорался. На небе не было ни облачка, погода стояла почти летняя. Дул ветерок, качались макушки вековых елей.

Надрывно ревел двигатель «ГАЗ-64». Машина свернула с дороги, проложенной по дну ущелья, вскарабкалась на террасу, обогнула южную сторону замка и встала у входа.

Из машины вышел подтянутый сержант, козырнул.

– Сержант Зябликов, прибыл по поручению капитана Ненашева. Ваша машина, товарищ майор?

– Наша, сержант, спасибо, оставляй.

«Газик» числился за оперативным отделом. Значит, он пришел сюда только что, вместе с автоколонной, вступившей в освобожденную Пештеру.

– Пешком добежишь обратно, сержант?

– Есть другие предложения? – Сержант заулыбался. – Добегу, товарищ майор, ноги длинные. Машина в порядке, бензин есть. Под задним сиденьем находится рация, но вы, наверное, это и без меня знаете. Разрешите идти? – Парень козырнул и бодрой рысью побежал в часть.

Через пару минут во двор замка въехал еще один отечественный автомобиль, пыльный, изрепеченный пулями. Водитель ловко огибал препятствия. Машина еще не встала, а с нее уже прыгнул молодой старший лейтенант с пластырем на лбу, вразвалку подошел, отдал честь. После боя он еще не мылся. Лицо его почернело от пороховой гари.

– От комбата, товарищ майор. Старший лейтенант Польшин. Прибыл узнать, все ли у вас в порядке.

– С переменным успехом, старший лейтенант, – уклончиво ответил Вадим. – Операция контрразведки продолжается. Есть потери.

– Так без них мы обходиться не умеем, – сказал Польшин, пожал плечами и спросил: – Помощь от нас требуется?

– Справимся, спасибо. Передай Ненашеву, чтобы следил за своими подчиненными, никого сюда не пускал. Нам гости не нужны. Тут не музей.

– Понял, товарищ майор. А красиво у вас, чем не музей? – Польшин посмотрел по сторонам, восхищенно поцокал языком. – Самый настоящий средневековый замок. Да и природа подходящая. Мрачно, тягостно, но где еще такое увидишь? С привидениями вы поладили? Говорят, они в Румынии в каждом замке живут. Был когда-то в Трансильвании такой персонаж, Дракулой его звали. Он считается самым знаменитым вампиром в мире. Знатный боярин или воевода, точно не помню, людей сотнями на колы сажал, кровь их пил. Вся Румыния тряслась от одного имени. Это не его замок, товарищ майор?

– Ты лоб кому подставил, старлей? – Вадим неодобрительно покосился на собеседника.

– Так вражеской пуле, товарищ майор, – ответил офицер и невесело усмехнулся. – Только не подумайте, что у меня лоб чугунный. Рикошетом дала. Чуть сменила бы угол, и все. Но мы философски к этому относимся.

– Что в деревне, философ?

– В деревне все нормально, товарищ майор. При штурме мы потеряли несколько человек, вражеская рота полностью уничтожена. Подошла автоколонна, скоро будут остальные. Но долго в деревне не задержимся, пойдем дальше, командование торопит. Этим ущельем за пару дней до Венгрии доберемся. Говорят, там фрицы мощный оборонительный рубеж построили. Проверим, так ли это. Сорок пленных взяли, представляете? Комбат голову ломает, что с ними делать. Расстрелять вроде неловко. Несчастные они, много раненых, бабы у них работали в

лазарете. Были бы из СС, никаких вопросов не возникло. А так придется нянчиться с ними, отправлять на восток, бойцов выделять для конвоирования.

– Скажи, старлей, в сорок первом бы нам такие трудности.

– Вот это вы точно подметили, товарищ майор, – сказал офицер и хохотнул. – Но что поделать, какие времена, такие и трудности. То есть помощь вам не нужна? Тогда до встречи. Выполняйте свое задание, а мы своим займемся. Оставайтесь со своими привидениями.

– Типун тебе на язык, – проворчал Злобин. – Ладно, двигай. Надеюсь, мы догоним вашу часть.

Старший лейтенант сел в машину. Водитель лихо развернулся, и побитое авто, постреливая гарью, покатило прочь.

Полынец приподнялся на сиденье, провожал глазами удаляющиеся сторожевые башни, непривычное зрелище для советского человека. В Европе, куда вступила Красная армия, было много причудливого и незнакомого.

Глыба замка Форгарош давила на сознание. Вадим старался не смотреть наверх.

К нему подбежал лейтенант Маркин, доложил, что осмотрены чердаки под крышами. Там нет ничего интересного, только старый хлам. Оба входа бойцы заперли, враг не пройдет.

«Зачем все это надо? – раздраженно подумал Злобин. – Все равно мы уйдем отсюда через пару часов».

Во двор въехали две разбитые полуторки с красными крестами. Красноармейцы вынесли во двор тела погибших товарищей, уложили в ряд, серые лица закрыли пилотками. У многих на глазах выступили слезы. Шмыгал носом безусый паренек с пушком на губах. Солдаты курили, пряча взгляды, крысились на водителя, имеющего наглость их торопить.

Неподалеку мялись офицеры опергруппы и примкнувший к ним Поляков, тоже изводили запасы курева. Как можно воевать без табака? Это лучший успокоитель. Рука тянется к нему всегда, даже если ты вроде бы уже накурился до отвала.

Красноармейцы погрузили тела в кузов одной полуторки, накрыли мешковиной. Туда же они посадили двух раненых с окровавленными повязками. Машина ушла.

Мертвых эсэсовцев бойцам тоже пришлось вытаскивать из замка.

– Почему мы? – проворчал какой-то солдат, отводя глаза от угрюмого майора контрразведки. – Два упыря в подвале сидят. Вот пусть они и таскают своих, заодно похмелье вылечат.

Но это предложение не прошло. Парни злились, трупы врагов бросали как попало.

Злобин подошел поближе. Герр Кунце уже покрылся трупными пятнами. Да и супруга от него не отставала. Первой красавицей она не была, а после смерти и подавно. Хищная ведьма с высушенным лицом и остро очерченными скулами.

Красноармейцы бросали в кузов тела, как мешки с картошкой. Женщина упала туда последней, сползла на пол с горки трупов. Крестик, висящий на ее шее, выскользнул из-под кофточки, поблескивал золотом. Штука, конечно же, дорогая, но мародеров во взводе не было, никто не присвоил ценную вещь.

«Добрая католичка», – подумал Вадим.

Второй грузовик тоже ушел.

Разошлись солдаты, свободные от несения службы.

Коренастый сержант Голиков ворчал себе под нос:

– Надо было сбросить их в ближайшую канаву и завалить дерном. Глядишь, елочки лет через двадцать станут пышнее и наряднее.

Оттягивать неизбежное уже было невозможно. Злобин выкурил папиросу для храбрости, забрался в «газик», где под задним сиденьем обреталась рация, почти новая, присланная из Америки по ленд-лизу. Она позволяла сочетать радиogramмы и голосовую связь, действовала в радиусе пятнадцати километров, имела очень емкие аккумуляторы и усиленный стальной

корпус. Благодаря ему станция весила очень даже немало и могла транспортироваться только на автомобиле.

Голос полковника Василевича звучал вполне отчетливо:

– Припозднился ты, майор. Докладывай.

Порадовать начальство было нечем. Злобин не юлил, говорил всю правду, неудобную, чреватую серьезными последствиями.

Закончил он на траурной ноте:

– Готов нести ответственность, товарищ полковник. Рудольф Кунце мертв. Это непреложный факт. Присылайте нового начальника отдела, а я отправлюсь под арест. Но должен заметить, что это была трагическая случайность. Все знали, что в Кунце нельзя стрелять.

– Твою-то мать, Злобин! Кто прикончил Кунце?

– Кунце открыл огонь, смертельно ранил нашего бойца, а тот успел произвести несколько неконтролируемых выстрелов. Все плохо, товарищ полковник, да?

В эфире недолгое время царило молчание, потом Василевич проговорил:

– Плохо, майор. Но в утешение могу сказать, что немцам еще хуже.

– Позвольте мне кое-что предположить, товарищ полковник. Я ведь вижу, что меня и моих людей командование использует втемную, не объясняя сути вещей. Майор Поляков тоже не отличается болтливостью. Полагаю, что важен не столько сам Кунце, сколько то, что он перевозил, с чем бежал из Бухареста. Рискну предположить, в портфеле, с которым не расставался. Но в момент его смерти тот был пуст. Здесь возможны варианты. У Кунце это выкрали, он сам потерял или где-то спрятал, пока мы носились за ним по замку. Первые два варианта мне рассматривать не хочется.

– Сообразительный ты, как я погляжу. Есть еще один вариант, майор, – ворчливо отозвался полковник. – Тот самый штурмбаннфюрер, который сбежал у вас из-под носа.

– Я думал об этом. Не сходится. Штурмбаннфюрер бежал налегке, на нем был только китель, да и тот расстегнут. Речь идет о неких бумагах? Не важно, что это: банковские документы, ценные облигации, списки немецких шпионов на территории СССР, чертежи новейшей подводной лодки. Это не один лист и не два, верно? Их нельзя сложить вчетверо и сунуть в карман. Или же это небольшой предмет, с легкостью помещающийся в том же кармане. Вы молчите, значит, согласны. Может быть, не все потеряно, товарищ полковник? Осмелюсь предположить, что эта вещь находится в замке.

– Хорошо, если так, майор. Ладно, – решил полковник. – Успеешь еще понести свою ответственность. Заменить тебя некем. Но обо всем случившемся я немедленно доложу в армейское управление. Пусть там ломают головы и думают, что с этим делать. Ты остаешься в замке со своими людьми до особого распоряжения. Как складываются отношения с майором Поляковым?

– Нормально. Лишнего слова из него не вытянешь, но жизнь мою он уже спас.

– Вот черт. – Василевич закашлялся. – Какие беспомощные у меня оперативники. Шучу, спас, вот и ладно. Ты как-нибудь верни ему должок, чтобы не висел над душой. Твоя задача – контролировать замок. Никого к нему не подпускай. Вас больше двух десятков на одно здание. Оружия хватает, сухой паек есть. Убедись в том, что замок необитаем. Лично я в этом сильно сомневаюсь. Проведите тотальный обыск, особенно в тех местах, где мог находиться Кунце.

– Что ищем, товарищ полковник? – не сдержался Вадим.

– Хотел бы я знать.

Возможно, Василевич лукавил, но не очень. У Вадима складывалось впечатление, что руководство дивизионной контрразведки плавало в том же тумане.

– Пленных не уничтожай, хорошенько допроси, – продолжал полковник. – Они могли что-то видеть. Будут упорствовать, не бей, вспомни про пряник. Переступи через себя ради дела. Все, майор, будь на связи.

Вадим отключил питание, перевел дыхание. Потом он поманил пальцем красноармейца, приказал ему отнести рацию в холл и обращаться с ней, как с родной мамой.

Настало время познакомиться с замком.

Вход в подвал находился в юго-восточном углу холла. Вместо двери там имелся широкий проем, за ним тянулся покатый пандус, охраняемый красноармейцем. За ним располагалась ровная площадка, чуть левее начиналась каменная лестница, ведущая в подземелье.

В стены через равные промежутки были вмурованы кронштейны. Люди Маркина нашли свечи, поставили на них, и подвал худо-бедно освещался. Огоньки дрожали от сквозняков. По стенам ползали причудливые, будто живые, тени.

За лестницей стены расступились. Коридор, рассекающий подвал, был удивительно широк, по нему прошел бы даже танк. Свечи освещали пространство на глубину пятнадцать метров, дальше густела тьма. В ней мелькали огоньки фонарей. Люди Маркина продолжали обследовать подвалы.

Недалеко от входа находился зарешеченный бокс, прохаживался часовой, ефрейтор Крыленко, уже знакомый майору. На двери висел замок. Рядом стоял колченогий столик, на нем горела керосиновая лампа и лежал ключ от камеры, удлиненный, с затейливыми бороздками.

Часовой услышал шаги, насторожился, как-то оробел, но тут же узнал Злобина и расслабился.

– Как служба, ефрейтор? – осведомился Вадим.

– Все в порядке, товарищ майор. Хотя если честно, то не совсем. – Боец виновато улыбнулся, по его лицу блуждали дрожащие тени. – Как-то не по себе здесь, то спина начинает чесаться, то ноги немеют. В бою лучше, там все понятно, вопросов нет.

– Так ты вроде тут не один, – сказал Вадим и подошел к зарешеченному боксу.

– Нет уж, избавь меня бог от такой компании, товарищ майор. – У Вадима возникло такое ощущение, что боец не прочь был перекреститься. – Сидят эти черти, волками смотрят, молчат. О чем мне с ними разговаривать? Да и как? Я по-немецки четыре слова знаю.

– Ладно, иди погуляй немного.

«Да, неприятных ощущений тут хватает. Надо чаще посты менять, а то парни с ума сойдут», – подумал Вадим, забрал керосиновую лампу, подошел к решетке.

Меньше всего ему хотелось гадать, откуда она здесь взялась и чем славен был замок Форгарош за свою долгую историю. Вадим поднял лампу, осветил узкое пространство. Камера была абсолютно голой. Каменные стены, пол, потолок. Здесь, мягко говоря, царил прохлад, градусов десять-двенадцать, плюс высокая влажность.

Пленные сидели на полу в разных углах, дрожали от холода. Краше они нисколько не стали, опухли до полной неузнаваемости. У гауптштурмфюрера Хоффеля заплыл глаз, спрятался под кожистым мешком. Крауземан все больше походил на гниющую сливу, но смог соорудить презрительную гримасу.

– Вас снова приветствует советская контрразведка, господа. Хочу задать вам несколько вопросов. Вы охраняли герра Кунце с супругой, причем делали это не день и не два, практически месяц находились рядом с ним. Вы должны знать, чем занимался Кунце, что он хранил в своем портфеле. Возможно, ваши сведения не полные, но они есть.

– Что с Рудольфом? – выдавил из себя Хоффель. – Он мертв?

– Он мертв. Равно как и его супруга Генриетта. Нам не удалось взять их живыми. Ваш господин зачем-то начал отстреливаться. Что было в портфеле? Чем занимался Кунце?

Арестанты презрительно молчали.

– Не буду кривить душой, господа, портфель Рудольфа Кунце оказался пуст. Подозреваю, что это были документы, возможно, какие-то чертежи, схемы, но точно не уверен. Вы могли видеть, как он это прятал, и знаете, где это происходило. Не желаете что-нибудь сообщить мне?

Господа по-прежнему молчали. Их изувеченные лица выражали презрение.

– Еще один вопрос, – невозмутимо продолжал Злобин. – Вы будете смеяться, но одному из ваших удалось сбежать. Он прятался в шкафу, потом воспользовался случаем, вылез в окно и пустился в бег с пустыми руками, без оружия. Это ваш командир в звании штурмбаннфюрера. Возможно, вы видели, как он спрятался в шкафу, когда отступали по анфиладе, но не выразили ему заслуженного порицания. Мне хотелось бы узнать его фамилию. Не скажете ли вы, куда он мог податься? Меня интересует, сможет ли беглец в сжатые сроки добраться до вашего расположения и сообщить о том, что здесь случилось. Где находится ближайшая часть вермахта? Не хотите сказать?

Ответом было надменное молчание.

– Очень жаль, – заявил Вадим. – В таком случае наши отношения переходят в иную плоскость. Смерти вы не боитесь. Это похвально. Насчет физического насилия сложнее, но вы готовы терпеть. Засим оставляю вас, думайте. Не уверен, что ваши организмы справятся с холодом, отсутствием питья и пищи. Без сигарет тоже тоскливо, верно? Но несколько часов вы протянете. Захотите поговорить со мной, позовите через часового. Согласитесь на сотрудничество без лжи и уверток, получите теплую одежду, матрасы, воду, еду и сигареты. Даю слово советского офицера. До новых встреч, господа.

Пленные молчали, когда он отдалялся от решетки.

– Вы так гладко чешете по-немецки, товарищ майор, – заявил часовой, вырастая из-за угла. – Словно сами немец.

– В школе хорошо учился, ефрейтор. А появишься еще раз вот так внезапно, клянусь, кулака не пожалею.

– Виноват, товарищ майор. – Боец смутился. – Теперь вы понимаете, каково здесь.

Из глубин подвала донесся шум. Бежали люди, тряслись огоньки фонарей. Крыленко резко повернулся, вскинул автомат. Вадим на всякий случай отступил к стене.

Из мрака в освещенную зону выбежали два бойца с возбужденными лицами.

– Товарищ майор, хорошо, что вы здесь! – воскликнул осанистый, спортивно сложенный сержант Пьяных. – Вы только посмотрите, что мы нашли! В дальнем закутке прятались, думали, что не заметим!

Глава 3

Мысль о том, что в замке кто-то живет, периодически приходила в голову майору. Мебели в комнатах было немного, но все же кто-то стирал с нее пыль и мыл полы. Эсэсовцы вряд ли могли остановиться в замке, где никто не живет. Проще в деревне заночевать.

Красноармейцы добрались до последнего укромного местечка, каменного мешка, заваленного старым тряпьем. Здесь и находились люди. Видимо, они сбежали в подвал, когда началась заварушка, тряслись от страха. Это были гражданские, один мужчина и три женщины. Все с обреченными лицами и слезами на щеках.

Слухи о зверствах Красной армии были сильно преувеличены, порой доходили до абсурда, но люди им верили. В представлениях цивилизованных европейцев русские солдаты были хуже того же Дракулы.

Сержант Пьяных поднял керосиновую лампу, осветил закуток. Отблески пламени прыгали по лицам, сморщенным от страха. Люди были одеты довольно просто. Мужчина в ватных штанах, полотняной рубашке, кожаной безрукавке. Женщины в серых кофтах, длинных юбках из суровой ткани.

Боец за спиной Злобина включил фонарь. Люди жмурились, отворачивались от яркого света.

– Вот так они и сидели, когда мы их нашли, – сказал Пьяных. – Нас увидели – и давай молиться, словно мы черти с вилами. Румыны, что ли? Одеты как-то бедно.

– А ты хотел, чтобы они сидели в праздничных национальных костюмах? Эй, бойцы, на выход, дайте с людьми поговорить. Не видите, боятся они вас.

– Так они и вас боятся, товарищ майор, – заявил Пьяных, хмыкнул, но все же увел своих людей.

В замкнутом пространстве пахло стеарином.

Пожилая женщина худощавого сложения произнесла отрывистую фразу на языке, не знакомом Вадиму. У нее было острое морщинистое лицо. Глаза, обведенные темными кругами, запали в череп. Внешность была не самой располагающей.

А язык, на котором она говорила, мог быть и не румынским. В Трансильвании жили валахи, моканы, русины, гагаузы, мадьяры. Чем они друг от друга отличаются, Вадим еще не разобрался.

Женщина не выдержала пристальный взгляд, прижалась к мужчине. Этому субъекту было далеко за семьдесят. Худой, как хворостина, костлявый, нескладный, с несимметричным лицом, состоящим из сплошных морщин. Эти люди не жирovali.

Третья особа сидела с прямой спиной, в глазах у нее застыла молитвенная скорбь. Ей было за сорок, худая, но не истощенная, с горбатым носом. Из-под платка выглядывали черные как смоль волосы. Текущие трудности она переносила лучше остальных, гладила по спине девушку лет двадцати, одетую в какую-то мешковину.

Барышня была миловидной. На майора смотрели невероятно большие и выразительные глаза. Но с этой особой что-то было не так.

Вадиму все стало понятно, когда он подался к девушке, чтобы помочь ей встать. Она отшатнулась от него, стала мычать, замотала головой. Бедняжка была глухонемой, да и с раскудом, наверное, не особо ладила.

Злобин смутился и спросил:

– Вы по-русски понимаете?

Вопрос ушел в пустоту. По-русски никто не понимал. Он продублировал эти слова по-немецки.

Пожилая женщина разжала губы и со скрипом заговорила. Ее немецкая речь была далекой от совершенства, но сносной.

– Не трогайте нас. – Голос старухи напоминал скрип двери. – Мы вам ничего не сделали, очень боимся. Мы живем в поместье Форгарош и никому не делаем ничего плохого.

Они смотрели на майора слезящимися глазами, и он испытывал чрезвычайную неловкость. Девушка сжалась в комок, стреляла глазами, иногда издавала звуки, несвойственные нормальным людям. Темноволосая особа глядела угрюмо, не меняясь в лице, статная, сравнительно молодая, но все же очень неприятная собой. Компания была причудливая.

Вадим разглядывал их в свете керосинки, говорил какие-то успокаивающие слова и не мог составить мнения об этих людях.

– Ничего не бойтесь. Мы не трогаем мирных жителей. Вы можете выйти из подвала и заняться своими повседневными делами. Но для начала ответьте на несколько вопросов, – заявил он.

Старуха скрипучим голосом сказала, что ее зовут Стефания Монтеану. С ней муж по имени Петру. Бедная глухонемая девушка – их внучка Станка, особа с черными волосами – горничная Мирэла Тамош. Она наполовину мадьярка, наполовину валашка.

Много лет назад Форгарош был процветающим имением, здесь жили румынские бояре. Они владели землями в долине, окрестными деревнями, в том числе Пештерой.

Последним из них был Николае Шербан, полковник румынской армии, входящий в королевский двор. В замке в последние годы он появлялся редко. Здесь жила его семья – супруга Вайолка, старая теща Надья, их дети Василиу и Лусиан. Имелись слуги, все необходимое для жизни.

Деревни постепенно зачахли, люди из них разъехались. Но семья имела приличный капитал и ни в чем себе не отказывала.

Петру Монтеану много лет служил дворецким у Шербана, помнил его отца, даже дедушку. Стефания работала экономкой, начальствовала над прислугой, от которой к данному моменту осталась только Мирэла.

У бедняжки сгорел дом в деревне, и ей совершенно некуда было податься. Помянутая бедняжка при этом смотрела на советского майора пристально и недобро.

Господин Шербан был настолько любезен, что разрешил поселиться в замке ущербной, но очаровательной девчушке Станке. У нее в сорок втором умерла мать, одна из дочерей Стефании и Петру. Девушка очень хорошая, добрая, ранимая, беззащитная. Она до дрожи в коленках боится русских солдат, о которых по стране ходит страшная молва.

Война не нарушила уклад жизни в замке. Многие родственники Шербана ушли в армию, служили на офицерских должностях. Сократилось количество слуг, ухудшилось снабжение, пришлось во многом себе отказывать. Но это все равно была приличная и спокойная жизнь, портили которую только слухи о приближении Красной армии.

Потом заварушка в Бухаресте, арест Антонеску. Румыния резко сменила политический курс, объявила себя союзницей СССР.

Но по стране ходили упорные слухи о том, что Красная армия добрее не стала и жестоко наказывает всех румын.

– Почему же вы не ушли вместе с немцами, раз Красная армия такая ужасная? – спросил Злобин. – Ваши хозяева, я так понимаю, сбежали, да?

Старой Стефании было трудно говорить.

Она заявила, что уйти отсюда они никак не могли. Дескать, вы посмотрите на нас внимательно. У моего Петру целый букет болезней, он хочет закончить свой жизненный путь в доме, где прожил последние тридцать лет.

Стефания сказала, что Николае Шербан приехал в Форгарош примерно месяц назад. С ним были несколько грузовых машин и солдаты. Они грузили в кузова все самое ценное: старинную мебель, ковры, раритетные предметы, картины.

Господская семья уехала отсюда в полном составе, оставив на хозяйстве чету Монтеану. Им было поручено следить за домом, поддерживать его в приличном состоянии, не давать разбойникам разграбить то, что осталось.

Николае обещал вернуться через полгода или год. Но в это никто не верил. Хозяин замка был прочно повязан с нацистским режимом.

Вот уже месяц они четвером живут в доме, в комнатах, расположенных на первом этаже, следят за порядком. На задворках есть курятник, грядки с овощами, в погребе хранятся прошлогодние запасы. На скромное существование хватает. Им много не нужно.

До вчерашнего дня ничего ужасного не происходило. Несколько раз по долине проходили немецкие и венгерские части, но к замку не сворачивали.

Вчера в Пештеру нагрянули военные, и в замок прибыли гости, дюжина немцев. Большинство в форме, а еще мужчина и женщина в штатском. Дама была чопорная, всем недовольная, постоянно капризничала. Но мужчина умел ее осаживать. Особых трудностей они не доставили, сказали, что утром уйдут. Мирэла собрала на стол. Гости были голодные, как собаки. Ночевали они здесь, в замке.

А утром началось! Во дворе загремели взрывы. Стефания спала одетой, выбежала в холл. По замку носились немцы, кричала женщина.

Старуха первой сообразила, что надо делать, и потащила своих домочадцев в подвал. Благо до пандуса было несколько десятков шагов. Они спрятались в дальнем закутке.

– Мы не могли выгнать немцев, – спотыкаясь, оправдывался старый Петру.

Он наконец-то подал голос, дряблый, какой-то механический.

– Их было много, все с оружием. Эти люди служили в СС.

– То есть вы не видели, что происходило в замке после того, как началась стрельба? – осведомился Вадим.

– Мы не могли ничего видеть, сразу спустились в подвал. Ждали, когда все кончится, надеялись, что замок опустеет.

– Сожалею, – со вздохом сказал Злобин. – В вашем замке опять незваные гости. Но я уверяю вас, приличные люди. Будете вести себя хорошо, и мы не доставим вам никаких хлопот.

– Вы нас не расстреляете? – спросила Стефания.

– А есть за что?

– Нет, но нам сказали, что вы всех расстреливаете.

– Успокойтесь, госпожа Монтеану. Ничего с вами и вашими близкими не случится. Вы можете подняться наверх, но ближайшие часы вам придется провести в своих комнатах. Мы скажем, когда можно будет выйти. Потом занимайтесь своими обычными делами. Мы не трогаем вас и все то, что находится в замке. Но есть одно условие. Вы должны оказывать нам содействие. Пойдемте, я выведу вас на волю.

Они не верили, держались друг за друга, пугались каждого чиха.

Сержант Пьяных освещал дорогу, с интересом поглядывал на девушку. Станка вцепилась в горничную, пугливо стреляла глазами. Врожденный недуг повлиял на ее внешность. Она была симпатичная, но в лице и туловище имелись небольшие диспропорции. Да и с психикой дело могло обстоять получше. По словам старухи, особых обязанностей у Станки не было. Она помогала в курятнике и на грядках, занималась уборкой, на глаза особенно не лезла.

Когда майор вывел людей из подземелья, в холле уже собрались красноармейцы. Они оживленно загудели.

Станка испуганно замычала.

– Маркин, ко мне! – скомандовал Злобин.

Когда исполнительный лейтенант подлетел и встал по стойке «смирно», Вадим разъяснил ему сложившуюся ситуацию:

– Эти люди живут и работают в замке. К ним не лезть, особенно к девчонке. Она глухонемая, да и с головой у нее не все в порядке, понимаешь? Строго накажи своим кавалерам, чтобы держались подальше от этой бедняжки. Никаких ухаживаний!

– Да бог с вами, товарищ майор. – Маркин явно обиделся. – Мои солдаты не такие.

– А какие? Они из постного теста слеплены? В общем, ты меня понял. Пусть эти люди сидят в своих комнатах, пока мы осматриваем замок, потом выпускай. В жизнь их не лезть, но ненавязчиво поглядывать. Мало ли что. Соображаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.